

ФИЛОСОФИЯ**Макухин Пётр Геннадьевич**

канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»

Омский государственный технический университет

г. Омск, Омская область

**К ВОПРОСУ АНАЛИЗА СЛАВЯНОФИЛАМИ ПРИЧИН
ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ:
РАЗЛИЧЕНИЕ А. С. ХОМЯКОВЫМ «КОЛОНИАЛЬНОЙ» И
САМОБЫТНОЙ ФОРМ НАУКИ**

Аннотация: в статье рассматривается актуальное для современной России осмысление родоначальником славянофильства следующего препятствия на пути научного, образовательного и социального прогресса: европейский тип науки, оторвавшись от своих «культурных корней», не укоренился в русской культуре, трагичность чего наиболее очевидна на примере гуманитарных дисциплин, но касается и всего научного комплекса в целом.

Как представляется, сегодня имеется ещё больше, чем век назад, оснований для того, чтобы согласиться с утверждением В.Ф. Эрна «время славянофильствует», высказанной им в одноимённом цикле лекций 1914 г. (которое раскрывалось им следующим образом: «славянофильствует время, а не люди, славянофильствуют события, а не писатели, славянофильствует сама внезапно заговорившая жизнь, а не «серая теория» каких-нибудь отвлечённых построений и рассуждений» [7, с. 371]). Это делает актуальным современное прочтение и переосмысление работ родоначальников славянофильства, и в первую очередь – Алексея Степановича Хомякова, статья которого «О старом и новом» (1839 г.) может считаться отправным пунктом возникновения славянофильского движения. Как в связи с этим пишет Т.И. Благова, «в кругу друзей Хомяков формулировал кредо славянофильской идеологии: «Долой все заемное! Да здравствует свое родное, народное, самобытное. Будем же во всем русскими, в устройстве

своего государства и быта, в науке, философии, литературе, умственной деятельности»» [1, с. 38]. Об этой же разносторонности основателя славянофильского движения пишет и руководитель Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского В.В. Сербиненко: «круг духовных интересов и деятельности Хомякова был исключительно широк: религиозный философ и богослов, социолог, историк, экономист, разрабатывавший проекты освобождения крестьян, автор ряда технических изобретений, полиглот–лингвист, поэт и драматург, врач, живописец» [2, с. 56]. Но в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением его идей, касающихся места науки в культуре.

Первое, что представляется необходимым обосновать – это идея о том, что критика А.С. Хомякова – равно как и других славянофилов – была направлена не против науки как такой, а лишь против определённых её культурно–исторических форм. Приведём рассуждения самого А.С. Хомякова, дающие основания для такого вывода – в статье «Мнение иностранцев о России» он «русский человек, как известно, охотно принимает науку; но он верит также и в свой природный разум» [4, с. 22], и более того, «наука должна расширять область человеческого знания, обогащать его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Без жизни она так же скудна, как жизнь без нее, может быть, еще скуднее» [4, с. 22]. «Чувство истины» этой «жизни» присутствует даже у необразованных людей, в силу чего «ученый должен говорить с неученым не снисходительно, как высший с низшим ... но просто и благородно, как мыслящий с мыслящим» [4, с. 22]. Однако представляется ошибочным увидеть в этом противопоставление «науки» и «жизни» как таковых – под последней в данном контексте философ подразумевает именно «русскую жизнь» («жизнь имеет характер местный» [4, с. 23]), мощную стихию отечественной культуры: «эта жизнь, полная силы предания и веры, создала громаду России прежде, чем иностранная наука пришла позолотить ее верхушки» [4, с. 22], и более того, так понимаемая «жизнь» «хранит много сокровищ не для нас одних, но, может быть, и для многих, если не для всех наро-

дов» [4, с. 22]. Однако именно поэтому возникает конфликт: «наука хотя и односторонняя (имеется виду её европейский вариант – М. П.), не могла отказаться от своей гордости, ибо она чувствовала себя лучшим плодом великого Запада; жизнь не могла отказаться от своего упорства, ибо она чувствовала, что создала великую Россию» [4, с. 23]. Из этого философ делает вывод о том, что «оба начала оставались бесплодными в своей болезненной односторонности» [4, с. 23], и это, естественно, не устраивало ни А.С. Хомякова, ни большинство представителей русской философии с её стремлением к идеалу целостности (личности, познания, просвещения, культуры и т.д.).

Как указывает ведущий теоретик славянофильства в работе с показательным названием «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», «единство истинное, внутреннее, плод и проявление свободы, единство, которому основанием служит не научный рационализм, и не произвольная условность учреждения, а нравственный закон взаимной любви» [3, с. 191].

Особенно наглядно эту трагическую разделённость А.С. Хомяков демонстрировал на примере общественно–гуманитарных дисциплин (в его терминологии – «догадочные» науки, имеющие предметом «законы духа человеческого и его проявления»; от них отличаются изучающие «законы видимой природы» науки «положительные», т.е. естественные), поскольку «изучать законы своего духа может человек только в полноте своей духовной, следовательно, личной и общественной жизни, ибо только в этой полноте может он видеть их проявление» [4, с. 23]. Следовательно, нормальное развитие общественно–гуманитарной науки невозможно при вышеописанном «раздвоении общественного просвещения», т.е. в условиях противостояния русской культуры и европейского типа науки. Последний же, как указывает А.С. Хомяков в одном из писем к В. Пальмеру, равно как и другие продукты западной культуры, «суть отрасли римского учения» [5, с. 269] – «все они чувствуют, хотя бессознательно, свою солидарность, все они сознают свою зависимость от одной науки, от одного верования, одного быта; эта наука, это верование, эта жизнь – «латинская»» [5, с. 269].

И более того – демонстрирует А.С. Хомяков деструктивность этого противостояния для всей русской культуры – любая наука, даже естественная, представляет собой «плод стремления духа человеческого к знанию, плод жизни, отчасти созревающей; следовательно, в обоих случаях она требует жизненной основы» [4, с. 23], в то время как современная А.С. Хомякову отечественная наука, по его словам, с одной стороны, «не была плодом нашей местной, исторической жизни» [4, с. 23], а с другой – будучи перенесена в Россию, «отторгалась от своих западных корней и от жизни, которая ее произвела» [4, с. 23].

Поэтому и просвещение в России неизбежно носит двойственный характер – с одной стороны, оно, как и принявшее его общество, носят «колониальный» характер, или «характер безжизненного сиротства» [4, с. 23], однако с другой – с надеждой утверждает А.С. Хомяков – «но история, но привычки, но воспоминания, но любовь к своей земле, но беспрестанные сношения с местною жизнью не вполне утратили свои права» [4, с. 24]. Именно сохранением основ самобытной «нашей народной жизни» он и объясняет достижения в плане образования и науки, появлением всего того, «что в нас немертво, небессильно, небесплодно» [4, с. 24]. И в то же время основатель славянофильства вновь возвращается к выводу о том, что эти «семена добра в нас самих вполне развиться не могут от нашего внутреннего раздвоения» [4, с. 24].

В этом аспекте опять же можно согласиться с В.В. Сербиненко, указывающим, что «русский народ, считал Хомяков, отнюдь не чужд науке, он ее принимал и примет в том случае, если она будет соответствовать его восприятию жизни» [2, с. 62]. Именно поэтому вся славянофильская просветительская программа – в отличие от идей европейского Просвещения – была направлена не только и не столько на необразованный народ, сколько на высшие сословия, «оторвавшиеся от корней», от «русской жизни», в результате чего, как он с болью констатирует в «Семирамиде», «высшие в обществе умы доходят мало–помалу до поклонения мысли, знанию, бытию безусловному и неопределенному (всё это, как мы рас-

смотрели, соотносится с наукой, не имеющей «жизненной основы», т.е. не укоренной в национальной культуре – М. П.), наконец до самоуничтожения мысли, до нигилизма» [6, с. 186].

Конечно, эту трагическую тенденцию А.С. Хомяков связывал и со своими философско–богословскими идеями, выражая надежду на то, чтобы «чтобы наука (имеется ввиду будущая «национальная» её форма – М. П.), оставаясь верною самой себе, восторжествовала наконец над человеческою гордостью и покори-лась Божественной истине, которой бы она не в состоянии была открыть, но для которой могла уготовать пути опровержением ложных учений» [3, с. 178], но это предлагаемое славянофилами соотношение науки и религии заслуживает отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Благова, Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский / Т. И. Благова. – М. : Высш. шк., 1995. – 352 с.
2. Сербиненко, В. В. Русская философия : Курс лекций : учеб. пособие. / В. В. Сербиненко. – 2-е изд. – М. : Омега-Л, 2006. – 464 с.
3. Хомяков, А. С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры/ А. С. Хомяков // Сочинения: В 2 т. Т 2. Работы по богословию. – М. : Московский философский фонд; Издательство «Медиум»; Журнал «Вопросы философии», 1994. – С. 129–195.
4. Хомяков, А. С. Мнение иностранцев о России/ А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений: В 8 т. Т 1. – М. : Университетская типография, на Страстном бульваре, 1900. – С. 3–28.
5. Хомяков, А. С. Письма к В. Пальмеру (I–XII) / А. С. Хомяков // Сочинения: В 2 т. Т 2. Работы по богословию. – М. : Московский философский фонд; Издательство «Медиум»; Журнал «Вопросы философии», 1994. – С. 244–308.
6. Хомяков, А. С. Семирамида / А. С. Хомяков // Сочинения: В 2 т. Т 1. Работы по историософии. – М. : Московский философский фонд; «Медиум», 1994. – С. 15–446.
7. Эрн, В. Ф. Время славянофильствует / В. Ф. Эрн // Сочинения. – М. : Правда; Журнал «Вопросы философии», 1991. – С. 371–398.